

УДК 821.161.1-4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б53

Беседин, Платон.

Б53 Почему русским нельзя мечтать? Россия и Запад накануне тотальной войны / Платон Беседин. — Москва : Эксмо, 2019. — 384 с. — (Русская цивилизация).

«Почему русским нельзя мечтать?» — книга об отношениях России и Запада, похожих на роман двух мессий, страстно любящих и ненавидящих друг друга. Платон Беседин в своей узнаваемой авторской манере исследует отношения России и Запада со времен церковного раскола до наших дней, затрагивая самые различные аспекты: культурный, цивилизационный, военный, социально-экономический, идеологический и др. Данная книга дает новый взгляд на отношения России и Запада, отвечая на самые актуальные вопросы. Готовы ли две цивилизации к примирению, или мы на верном пути к тотальной войне? Что может Россия, с ее внутренними противоречиями, предложить миру? Как представляют русские на Западе? Каково их восприятие и отношение к ним в самой России? В чем правда и ложь взаимной пропаганды?

Но эта книга не только о политике, истории, культуре. Она, прежде всего о мечте — русской и американской, в сфере которой и лежит борьба и единство двух цивилизаций. Эта книга о том, как научиться жить своими мечтами. И странам, и обществам, и каждому человеку в отдельности.

УДК 821.161.1-4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродуцирована или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Издание для досуга

РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Платон Беседин

**ПОЧЕМУ РУССКИМ НЕЛЬЗЯ МЕЧТАТЬ?
РОССИЯ И ЗАПАД НАКАНУНЕ ТОТАЛЬНОЙ ВОЙНЫ**

Главный редактор *Р. Фасхутдинов*
Ответственный редактор *Ю. Лаврова*. Редактор *В. Ганчурина*
Младший редактор *Е. Минина*. Художественный редактор *С. Власов*
Компьютерная верстка *Н. Зенков*. Корректор *И. Львова*

В коллаже на переплете использованы иллюстрации:
koyash07, KarSol, mariakraynova, Maria Ferencova / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

ООО «Издательство «Эксмо»
123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел.: 8 (495) 411-69-86.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru
Фабрика: «ЭКСМО» АКБ Благоясы, 123308, Москва, Ресей, Зорге кешесі, 1 күй.
Тел.: 8 (495) 411-69-86.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Түркістан облысы «Эксмо»
Түркістан қаласы «Эксмо»

Интернет-магазин: www.book24.kz

Импортер в Республику Казахстан ТОО «РЭД» Алматы-
Казахстан Республикасындағы импорттану «РЭД» Алматы-ЖШС.
Дистрибутор және ұсынушысына құқығы бар продукцияны,
в Республику Казахстан ТОО «РЭД» Алматы-
Казахстан Республикасындағы дистрибутор және өнім бойынша артық-таландарды
қарбалаттық және өнім бойынша артық-таландарды
Алматы қ. Дембеловский көш., 3-а, литер Б, офис 1.
Тел.: 8 (727) 251-59-90/91/92. E-mail: RSD-almaty@eksmo.kz
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Сертификация туралы ақпарат сайты: www.eksmo.kz/certification

Создание и распространение осуществлено изданием согласно законодательству РФ
о творческом регулировании можно получить на сайте Издательства «Эксмо»
www.eksmo.ru/certification

Өндіретін мекеме: Ресей, Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 14.01.2019. Формат 84x108^{1/32}.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 20, 16.

Тираж экз. Заказ

16+

ISBN 978-5-699-95204-5

9 785699 952045 >

ISBN 978-5-699-95204-5

В электронном виде книгу можно получить по ссылке www.litres.ru

ЛитРес:
лучше читать по-русски

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Глава 1. Накануне тотальной войны: Россия и Запад в неопределенности будущего

ПОРАЖЕНЬЯ ОТ ПОБЕДЫ ТЫ САМ НЕ ДОЛЖЕН ОТЛИЧАТЬ

Когда Владимир Путин в очередной раз заявляет об увеличении расходов на военные нужды, а после представляет уникальное оружие, то это свидетельствует главным образом об одном: Россия готовится к большой войне. Особенно когда есть Сирия, есть Донбасс. Особенно когда Россия и Запад говорят друг с другом на языках разных планет. Можно назвать предстоящую войну третьей мировой, но правильнее — тотальной. В отличие от двух предыдущих войн, эта станет последней. Мир окончательно расставит акценты и прочертит границы. Дальше будут уже другие войны — не между государствами, а наподобие тех, что показывают в фантастических фильмах.

Как Первая мировая война стала концом четырех империй (Германской, Османской, Российской и Австро-Венгерской), так и третья мировая (тотальная) война похоронит прежний миропорядок.

А главный удар примет на себя Россия. И тому есть масса причин. Они находятся как в психологической, смысловой, так и в практической, геополитической плоскости. Ключевую же роль здесь играет разница в мировоззрениях, идеологиях, самой экзистенции жизни — столкновение цивилизаций, так это назвали. Однако борьба России и Запада, идущая на протяжении тысячи лет, заключена не только в цивилизационном столкновении, но и в противоборстве самих начал. Политические, культурные, социальные, экономические и прочие разногласия являются лишь приложениями к центральной битве. И главный конфликт всегда происходит в человеческих душах. Он первичнее и важнее любых дипломатических или военных столкновений. Ведь именно в душах решается, на какую сторону встанет участник битвы. И выбор этот не может быть ограничен ни временем, ни пространством. Человек делает его постоянно, победы от поражения не в силах отличать.

История второй половины XX и начала XXI века продемонстрировала это во всей полноте. Мы выиграли Великую Отечественную (Вторую мировую) войну, отдав за это 27 миллионов жизней (тут звучат разные оценки: от 9 до 40 миллионов; и это уже другая война — за историческую память), но спустя 46 лет — в 1991 году — потерпели фиаско. И дело тут не только в утрате единого государства, но главное — в потере самоидентификации. Еще через время, инфигцированные вирусом коллективного покаяния, мы пришли к тому, что это была и не победа вовсе,

а нечто сродни поражению, и Красная армия встала на одну сатанинскую доску с вермахтом. Новые поколения мало что знают о той нашей Победе, не гордятся ею. Советское руководство будто предвидело это: «В истории есть примеры того, как победители лишались плодов своей победы. Вести дела так, чтобы обеспечить эти плоды, и работать ради этой цели — это зависит от нас». Что ж, либо мы работали плохо, либо они работали намного лучше нас.

Тогда к чему была та победа, если сейчас мы живем, а главное, мыслим совсем не как победители? Если и копируем, и завидуем тем, над землями которых поднимали свой флаг? И могли бы ведь сейчас пить баварское, да? Послевоенный опыт свидетельствует: победа в военном конфликте ничего не значит. Важнее — победа духовная, ментальная. Оттого новые господа, захватывая земли, не только возводили там свои крепости и укрепления, но и строили университеты и церкви. Военное господство становилось лишь шагом для перековки сознания проигравших.

В случае же России произошел обратный процесс. На земле победителей проигравшие, ведомые реваншистскими настроениями, создали свою матрицу. Перепрограммировали нацию, накачали ее суррогатом «счастья», минимизировав попытки к сопротивлению. К 1991 году мы пришли уже подготовленными: перед Россией простирался новый дивный мир. Но на деле для большинства россиян он оказался игром. Запад раздал конфеты не всем — только своим

наместникам. И это логично: избивая человека, ты не дашь ему в конце поединка руку, чтобы он поднялся. Впрочем, не Запад уничтожил нас. Мы сами кончили жизнь самоубийством — не в 1991 году даже, а гораздо раньше.

Однако и Запад допустил ошибку: он не стал добивать поверженного. Предпочел оставить его в коленно-локтевой позиции, внушив иллюзию самостоятельной жизни. Выражение «Россия встанет с колен» не фигурально: в определенный момент наша страна и правда напоминала «петуха» на мировой зоне. Запад совершил и другую ошибку: перестарался в своих унижениях. Навязанные политические реформы превратились в «железную деву» либеральной демократии. Ее шипы и колья почувствовал на себе прежде всего народ. Разочарование от демократических реформ наступило быстро. Ночь веселья пролетела — началось затяжное похмелье. И пока кто-то читал разрешенные романы вроде «Доктора Живаго» и «Мастера и Маргариты» или любовался собой в джинсах, запивая бургер «Инвайтом», практичные люди раздвигали страну, как дикари мамонта. За пять лет в России вызрело недовольство, грозящее бунтом. Выплеском народной лавы стали президентские выборы-1996: подлые, сфабрикованные. А до этого российскую демократию расстреляли из танков в 1993-м. Тем лицемернее выглядят нынешние критики авторитарного режима, не желающие вспоминать об отнюдь не демократических 1990-х. Возможность свободы приговорили в России именно тогда.

Но самоубийство СССР многие западные политики — особенно новой волны — восприняли как должное. Более того, решили, что возможность империи на Востоке навсегда уничтожена. Эти политики не видели ни мощи, ни расцвета СССР, не представляли, какой силой обладали его народы. Им казалось, что в конкурентном забеге Красная империя зла безнадежно отстала от Запада, запыхалась и устала, не в силах продолжать гонку. Но нечто похожее думали и Гитлер, и Наполеон. Самая распространенная ошибка Запада — недооценивать русских. Но понять это можно. Пока солдат бился до последней капли крови, руководство торговалось о цене предательства.

Впрочем, западные политики старшего поколения твердили: произошедшее в 1991 году — счастливое стечение обстоятельств. Ни 70 лет назад, ни даже во времена «перестройки» они не могли представить себе, что в России появятся пародии на многопартийность, частную собственность и даже некое подобие капитализма. Мало того, в ней не только охотно пойдут на сотрудничество со своими недавними оппонентами, но и всячески примут их директивы как истины, выбитые на долларовых скрижалях. Самоубийство СССР могло пройти с гораздо более серьезными последствиями для Запада: и с агониальными атаками, и с вооруженными конфликтами, и с непримиримой борьбой за спасение государства. «Русские не сдаются!» — этот клич мог бы прозвучать ни один раз, отозвавшись

эхом сопротивления. Еще ни одно государство такого масштаба не заканчивало свое существование столь быстро и столь безвольно, ни одно государство столь усердно не плескалось в океане коллективной вины, упиваясь собственными ошибками и грехами.

Реакция на самоубийство СССР, как это все чаще случается в российском обществе, колеблется между крайностями. Одни предлагают немедленно возродить СССР, давно уже превратив его в икону. Другие, наоборот, видят в советском обществе первородное зло, противоречащее законам бытия и обреченное изначально. Такой разброс мнений, между которыми — бездна, куда вглядываемся все мы, лишь доказывает сложносочиненность советского проекта. Фильм об Электронике родился там же, где был создан ГУЛАГ. Уместить подобные противоречия способен не каждый. Оттого постсоветские люди предпочитают выбирать одну закостенелую точку зрения, подгоняя под нее все доказательства. В основе такого подхода к трактовкам истории лежит, прежде всего, инстинкт самосохранения. Выбрать одно — и его придерживаться. Чтобы не сойти с ума.

Однако двойственность все равно прорывается наружу. Гражданская война продолжается, но в новых форматах. Прошлое стравило нас — тротилоподобен любой повод: будь то фильм о Николае II, доска Маннергейму или памятник Сталину. Черти беспамятства тащат нас в ад, сталкивая с предками, потомками и современниками.

От советского прошлого нельзя отмахнуться. Но внятного его понимания нет и сейчас, а в 1990-х общество бултыхнулось в растерянность, переходящую в отчаяние. И речь идет не только об экономических, социальных, политических проблемах, но и в первую очередь, как уж говорилось, об утрате самоидентификации. Люди не могли ответить на вопрос: кто я? Установилась трехосная система координат: порочное прошлое, тоскливое настоящее и сомнительное будущее. Квинтэссенцией данного состояния стал вопрос таксиста из «Брата-2»: «А где твоя Родина, сынок?» Вопрос этот венчал монолог-приговор об утрате России и русской идеи. Кого ты спасти решил, народ-богоносец, если даже себя спасти ты не в состоянии? И все это свелось к материалистической истине: «Родина — там, где задница — в тепле, и ты лучше меня это знаешь».

Это спасение собственной задницы, звучащее едва ли не в каждом голливудском блокбастере, стало по сути главной идеей 1990-х, экспортированной в красиво упакованном виде нам с Запада. Казалось, что его контроль в России установился над всем — от экономики до сознания. За считанные годы люди стали рождаться, расти и воспитываться в принципиально иной матрице идей, ценностей, смыслов. И отчасти эта стремительность окрылила, успокоила Запад.

Впрочем, предпосылки для его благостного состояния появились куда раньше. Карибский кризис, «кузькина мать», американские

солдаты — во Вьетнаме, советские — в Афганистане, стратегическая оборонная инициатива Рейгана — маркеров напряжения хватало. Но вдруг — «перестройка», и далее — падение Берлинской стены и советский суицид в стиле easy. Мало кто ждал, что все случится настолько легко. Но Москва не только не препятствовала воссоединению Германии, но наоборот — Горбачев, рассчитывавший на щедрую финансовую поддержку ФРГ, зажег ей зеленый свет и позаботился о том, чтобы тот горел ярко. В ноябре 1989 года Берлинская стена пала, а в августе 1991 года пал и Советский Союз.

Дальше оставалось поставить во главу страны — по-прежнему оскорбительно большой — свою власть во главе со своим человеком. Им стал Борис Ельцин, представлявший главным образом либерально-демократическую интеллигенцию. Ему противостояли Александр Солженицын от славянофилов-традиционалистов и Михаил Горбачев от коммунистов-реформаторов. Победил Борис Ельцин. Он же повторил этот фокус в 1996 году. И хотя демократия в стране не установилась, а народ все больше напоминал нищих из угандийской деревушки, Запад по-прежнему поддерживал своего избранника. Правовая система работала не на защиту населения, а на поддержание сложившейся конъюнктуры.

Параллельно с окончательной вестернизацией России Запад отрывал от нее бывшие постсоветские республики, добывая призраки империи. И если Прибалтика, давно мечтавшая об этом, быстро

отвалилась от российской системы, став ее злейшим врагом, а Беларусь подумывала — или делала вид — о выгодном славянском союзе, то Украина оказалась основным полем битвы. Линия разделения по языку, цивилизационной повестке перешла в линию разделения по крови в жуткой войне между двумя братскими странами. Как тут ни вспомнить тезис Бжезинского о том, что именно Украина является важнейшей клеткой на новой шахматной доске мира. И он же писал, что Киев должен готовиться к переговорам с ЕС и НАТО где-то между 2005 и 2010 годами. На Украине схлестнулось прорусское и прозападное население. Данный конфликт достиг своего пика в 2013 году, столкнув Россию и Запад.

В советское время «красные» лидеры позиционировали СССР как другой полюс мира, иной центр силы. После 1991 года Ельцин, наоборот, всячески подчеркивал атлантический вектор внешней политики Москвы. Россия хотела подключиться к мировой экономической системе, интегрироваться в западную политику и активно участвовать в создании единой коллективной безопасности. При этом Москва практически беспрекословно выполняла все взятые на себя международные обязательства: вывела войска из Восточной Европы, отказалась от прежних союзников. По сути, вся постсоветская российская политика определялась главным образом директивами правительства США, Международного валютного фонда и Всемирного банка. Но даже при такой зависимости Россия не смогла сблизиться с Западом.

Впрочем, последнему это было и не нужно. Запад хотел видеть в России контролируемую территорию с управляемой массой, но не партнера. Позднее с тем же столкнулся и Владимир Путин. Но в отличие от предшественников, он оказался более резок, дав поводы говорить о вернувшейся российской угрозе.

Уже к 1994 году у российских элит появилось четкое понимание: в Европе Россию не ждут. За исключением некоторых ведущих политиков (вроде Гельмута Коля) никто и не пытался переубедить в этом Москву. России предлагали не партнерство (и уж тем более не дружбу), а нечто вроде мягкого подчинения. От чего Москва нервничала все больше. Отчасти это привело не только к народному протесту, но и к возмущению самих российских элит. Ельцин, впавший в крутое алкоголическое пике, все чаще позволял себе резкие высказывания.

Однако для Запада это выглядело скорее забавно, нежели устрашающе, потому что Россия по-прежнему зависела от американских и европейских траншей. Особенно после «черного августа» 1998 года, когда дефолт рубля обесценил реформы предыдущих лет. Только появившийся средний класс был уничтожен, а правительство оказалось не способно выполнять социальные обязательства. Иностранцы ушли из страны. И только новые — еще более щедрые — кредиты Международного валютного фонда вытянули Россию из долговой ямы. Еще один шанс на сближение? Отчасти да, но его тут же разрушил югославский кризис.

Решением по Сербии Запад поставил Россию, исторически являвшуюся защитником христианских, славянских народов в Европе, в унижительное положение. Американские «Томагавки» устремились на Белград, добывая российско-американские отношения. Премьер-министр Евгений Примаков, направлявшийся в Вашингтон за новыми кредитами, развернул самолет над Атлантическим океаном, а Москва отвернулась от Запада. При всей зависимости от МВФ и Всемирного банка Кремль не мог наблюдать, как «Томагавками» стираются последние следы влияния России в Европе, а заодно и остатки российского самоуважения.

Позднее Запад применит силовой сценарий смены неугодных лидеров и в других странах: Ираке, Ливии, Украине, Египте — тем самым демонстрируя, что есть диктатуры вредные, а есть полезные, и степень их благонадежности измеряется сугубо отношением к политике Вашингтона. Оправдывать Слободана Милошевича бесполезно, но почему аналогичные действия других лидеров так и не вызвали возмущения Запада? Да потому что действия эти шли ему на пользу.

Бомбардировка Сербии НАТО стартовала без уведомления России. «Томагавки» устремились к Белграду, а тысячи возмущенных россиян — к американскому посольству. Бомбардировка Сербии воспринималась как нападение на своих. Но Москва не смогла остановить ее, расписавшись в собственном бессилии.

Показательным стало вхождение в Приштину российских десантников. Батальон ВДВ ВС России взял под контроль аэропорт «Слатина». Колонна из БТРов и автомашин успела сделать это раньше, чем войска НАТО. Россияне, встретившие на пути отступавшие подразделения сербской армии, заняли круговую оборону аэропорта, выстроили блокпосты. Через четыре часа к ним приблизились английские джипы и танки. Российские солдаты взяли их в прицел ручных гранатометов. Командующий силами НАТО в Европе американский генерал Кларк потребовал от британского генерала Джексона отбить аэропорт, но тот, к счастью, не забыл дома мозги и отказался развязывать третью мировую войну. Силы НАТО окружили аэропорт, а позднее российские войска, оставшиеся без еды и воды, предложили поделить его в обмен на провизию. Тем временем Венгрия и Болгария отказали России в воздушном коридоре, и двести наших бойцов в «Слатине» оказались в блокаде. На что Мадлен Олбрайт ехидно заметила: закончилось все тем, что солдаты НАТО кормили русских, не давая умереть с голоду. Москва это до сих пор отрицает.

В итоге Россия покинула Косово. А позднее была опубликована версия, что марш-бросок на Приштину оказался всего лишь хитрым планом Пентагона. Сербь не должны были массово покидать Метохию и Косово, иначе США пришлось бы оказывать им финансовую помощь. А так сербы поверили в русских — и были обмануты. Косово — финальная точка

в унижительной истории ельцинской России. Дальше стоять в коленно-локтевой позиции было уже невозможно.

ЛОБОВАЯ АТАКА

В путинскую эпоху у России и Запада появились поводы сойтись, примириться, но неизменно это намечающееся партнерство разрушалось. США не воспринимают Москву в качестве равноценного партнера, а отношения с Европой ухудшаются. Это хорошо видно на примере российско-немецких отношений. И в ельцинскую, и в путинскую эпоху именно Германия являлась главным проводником, посредником в выстраивании отношений России и Запада.

Нечто похожее мы наблюдали и в советское время. Тогда, в конце 1950-х годов, СССР и Германия возобновили сотрудничество — прежде всего, в энергетической сфере. Реанимировали Ostpolitik (восточную политику немцев), исходящую из Рапальского договора, заключенного в 1922 году между СССР и Германией. Первые хотели международного признания, вторые планировали вернуть себе прежний геополитический статус. Это был контракт неудачников, проигравших в Первой мировой войне. Однако в 1950-х, когда Хрущев пообещал снабжать Европу газом, тогдашний немецкий канцлер Аденауэр прервал сближение с Москвой под давлением Вашингтона.

В «нулевых» Россия сближалась с Германией (во многом благодаря личным отношениям Владимира Путина и Герхарда Шредера), но многое изменилось с приходом во власть «осси» Ангелы Меркель, изначально занявшей проамериканскую позицию. Президентский срок Дмитрия Медведева, который так нравился Западу, дал надежду на возрождение отношений, но она почилла во время «операции по принуждению к миру в Грузии» в 2008 году.

Россия — США, Россия — Европа — эти тандемы так и не сложились. Во многом из-за характерной трактовки Западом действий России и желания Москвы показать силушку. Есть путинский тезис «Единая Европа — от Лиссабона до Владивостока», а есть его Мюнхенская речь 2007 года. По смысловой основе они не противоречат друг другу, однако на Западе воспринимаются по-разному. Собственно, между двумя данными заявлениями находятся отношения России и Запада, где периоды надежд и теплых слов сменяются периодами угроз и взаимных санкций. Точно отношения людей, разных, но тянущихся друг к другу и при этом опасющихся будущей близости.

Подчинение и контроль — вот чего требует от России Запад, точно мужчина, цитирующий излюбленное место из Послания апостола Павла про жену, которая да убоится мужа своего, но отбрасывающего слова, в коих мужу заповедано возлюбить жену как самого себя. Москва с такой позицией не согласна. Но при этом, когда российские эксперты вещают